

С.С. РАПОПОРТ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИКА

Политические нравы. Введение

В статье обсуждаются современные политические нравы в Литве — в ситуациях властвования и борьбы за власть в ходе всеобщих выборов. При этом акцентируются особенности политической активности интеллигенции, составляющей основной корпус представителей власти и претендентов на нее (некоторой части этого сословия свойственно особое влечение к политике).

«Интеллигенция» в данном случае — не оценочная, а ценностно-нейтральная социально-демографическая категория, близкая к «архаичной» — «люди умственного труда».

Обсуждаемые нравы обычно не осознаются участниками, поскольку стали инерционной частью обыденной жизни. Поэтому для преодоления этой инерции используется политико-социологический анализ ценностных противоречий участия во власти и борьбы за нее в ходе всеобщих выборов.

Судя по ежедневным текстам средств массовой информации, может показаться, что главное в жизни людей — это политика (которой конкуренцию в этом смысле составляют сериалы и шоу-бизнес). Такой политикоцентризм свойственен самому клану политиков, и это, пожалуй, первое его отличие от остального населения.

Отношения в практической политике крайне запутаны. Чтобы попытаться разобраться в этой путанице, надо преодолеть стереотипы фасадной политикоцентристской мифологии. Для этого мы сейчас сопоставим несколько таких стереотипов с «наивным» здравосмысловым взглядом на их объекты.

1. Будем считать, что базовое основание политики можно выразить идеологемой *управления человеческой судьбой* — всеобщей и

Рапопорт Сергей Самуилович — научный сотрудник Института социальных исследований Литвы. Адрес: 2600 Lithuania, Vilnius, Saltoniskiu, 58. Телефон: 210–20–71. Электронная почта: rapas@takas.lt

частной. На пересечении частного и публичного актуализируется проблема: насколько самостоятельна приватная судьба и в какой мере она зависит от воздействия внешних сил. Стихия частного существования человека достаточно самостоятельна, и вовсе не обязательно в ней сама собой должна рождаться идея о том, что людская судьба и благополучие определяются большими внешними, сверхиндивидуальными силами, хотя идея эта и опирается на известные мифологические и фольклорные основания.

В советское время частная жизнь была, с одной стороны, проницаема для воздействия тоталитарного государства, которое бралось решать все проблемы человеческого существования, с другой — она имела и тогда своеобразные барьеры против вмешательства извне. Современная приватность имеет другой баланс проницаемости и сопротивления. Сопротивляемость и состоит, в частности, в том, что политика нерелевантна для неполитизированного мировосприятия рядовых граждан, при этом суть политизации и заключается в подготовке к идее о том, что их судьба зависит от внешних сил.

2. Решение названной проблемы схематично можно представить двумя «парадигмами»: «коллективной» и «выборной». Коллективность воплощена в *агоральности* [2, 6, 11]. Агоралы — это добровольные массовые собрания такого типа, как, например, демонстрации Саюдиса в начале Возрождения. Во время агорала в условиях искреннего единения участники непосредственно переживают коллективную сущность политики: *судьба каждого и всех зависит от их общих усилий*. Однако такое подлинное преодоление психологического отчуждения действует только в момент агорала. Участник агорального митинга — реальный субъект политической утопии, эффекты которой обычно «не доживают» до будничной ситуации выборов.

3. Если ситуация агорала построена на единении *равных* участников, вторая парадигма, которая нередко опирается на псевдоагоральный материал, исходит из качественной неодинаковости населения: есть люди «простые» и есть «*избранные*», отличающиеся от первых высокими компетенциями управления человеческими судьбами и высокими моральными качествами.

Именно на этой парадигме построена идеология и практика всеобщих выборов. Формируется демократическая процедура выбора лучших представителей (из числа самопредлагающихся, то есть рекламирующих свои качества и преимущества над конкурентами). Населению остается доверить свою судьбу (частную и коллективную) этим лучшим.

Политический идеал управления судьбами составляет суть показной политики, применяемой для манипуляции массовым сознанием, в том числе внушением «фольклорной» веры в харизматических лидеров-спасителей. Мы попытаемся показать, что эта фасадность

конфронтирует с реальностью — и с уровнем компетенций избранников, и уровнем морали, и всяческой своекорыстностью; и всё это на фоне беспощадной, пренебрегающей нормами порядочности войны с конкурентами. Это дисквалифицирует саму парадигму избранничества, что и сказывается в снижении числа участвующих в выборах. Неслучайно политические нравы становятся объектом разоблачений в СМИ и материалом для пародий (типа «двирачё шоу»¹).

4. Следующий набор инерционных очевидностей связан с необходимостью *управления*: «само собой разумеется», что оно обществу необходимо, поскольку лишь небольшая часть населения в состоянии *профессионально* заниматься хозяйством всей страны и порядком в ней, и потому на этих профессионалов (которые обычно сами определяют себя таковыми) приходится расходовать налоги, собираемые с остальных граждан. Другой стереотип понимания политики включает определенные функции «духовного управления», опять же предусматривающие наличие профессионалов. Специфика политических нравов, которыми мы здесь занимаемся, возникает из-за того, что претендующих управлять (в том числе — непрофессионалов) больше, чем мест наверху, хотя все равно меньше, чем управляемых, которые оказываются перед выбором среди альтернативных групп претендентов.

5. В публичных политических идеологемах часто фигурирует единая совокупность граждан — народ или нация. Однако вместо упомянутых мифологических общностей в политических буднях можно различить две категории людей: а) активно участвующих в политике, которых зачастую именуют «правлящим классом», б) и всех остальных, из которых мы фактически займемся только той частью, которая себя как-то проявляет, то есть, по крайней мере, покидает нишу частной жизни и оказывается «голосуемой массой». В ходе всеобщих демократических выборов контакт обеих групп приобретает характер специфических межсословных отношений. Обоснованность такой прикладной стратификации в том, что «модели мира» и взаимовосприятие этих двух групп не совпадают. В интеллигентской модели присутствует некий абстрактный образ населения, не соответствующий множеству граждан, рассредоточенному в частных нишах городов и сел и представляющему потенциальную голосующую массу; все средства предвыборного воздействия проходят через контекст этих ниш, то есть диффузной формы массового сознания, часто представляющей социально-психологический барьер политическим внушениям. С реальными же жителями и их реакциями политики сталкиваются на стихийных или организуемых пикетах, митингах или

¹ «Велосипедное шоу» — популярная ежедневная сатирическая передача на одном из каналов литовского телевидения.

манifestациях с политическими этикетками. Однако эти политические внушения неустойчивы и, как правило, не сохраняются в массовом сознании до момента выборов. Наконец, в ходе предвыборной компании возникает *голосующая масса* — анонимное разрозненное множество людей, обнаруживающих свою «реальность» итоговыми процентами предпочтений; ее структуру составляют устойчивые электораты «старых партий» и новые сегменты, созданные новыми политтехнологиями в интересах новых политических конкурентов. Особой и редкой разновидностью политического собрания, практически не имеющего непосредственного влияния на рутинные всеобщие выборы, являются *агоралы*, о которых говорилось выше.

При этом, если политики не сомневаются в своей способности выбрать правильный путь для того (согласно популярному лозунгу) «*чтобы Литве было лучше*», с представителями остального населения значительно сложнее. Забегая вперед, можно сказать, что приписать потенциальному члену голосующей массы атрибут «*сознательного политического выбора*» чаще всего немислимо, так как практически нельзя предположить, что гражданин уже имеет устойчивое и адекватное представление о том, 1) какая существует связь между словами, жестами, улыбками и тому подобными знаками создаваемого в ходе предвыборной агитации имиджа политика, и его будущими поступками в политической практике, 2) к каким социальным, экономическим и другим результатам ведут эти поступки в перспективе, то есть когда претенденты уже избраны и оказались во власти (этого чаще всего не ведают и сами политики, хотя нам пока не доводилось наблюдать ни одной избирательной компании, в ходе которой претенденты создавали бы образ сомневающегося политика).

Выборы Президента Литвы в декабре 2002 года оказались водоразделом между тем, что теперь можно условно называть «традиционной» политикой и «современной»: новый этап связан с открытым появлением «*профессиональных политических технологий*» на политическом рынке Литвы. Завоевание «широких масс» с помощью политических идей отныне как бы теряет смысл; борьба за власть происходит не между партиями и программами, а между способностями различных фирм политтехнологов манипулировать массовым сознанием. Опираясь на знание его особенностей, политтехнологи конфигурируют базовое недовольство населения в заказанном направлении; они не отражают интересы массы, а фактически навязывают их, формируют их выражение.

В этой связи особое значение приобретает контроль за *нефальсифицированностью всеобщих выборов* (всех процедур — от подготовки бюллетеней до подсчета голосов). Теперь это чуть ли не основной

рычаг демократии. Даже странно: столько в текущей политике нарушений норм, а этот барьер пока еще действует. Если бы и он развалился, политическая борьба утратила бы какой бы то ни было смысл, а вместе с ней — и усилия профессиональных политтехнологий: для интеллигента победить в политической конкуренции означает все-таки не только пробиться к власти и благам, но и получить подтверждение преимуществ своей личности, ощутить ее *значительность* (подробнее об этом — ниже). Если в условиях новой политической борьбы характеристики соперников оказываются взаимозаменяемыми и победить могут совершенно случайные черты, сама победа банализируется и теряет подлинный престиж. Потому-то и важно сохранить такой качественный барьер во всей цепочке выборов.

Однако жажда успеха вынуждает обходить и этот барьер: так, на выборах мэра Вильнюса 2003 г. процедуры выборов были достаточно контролируемы, но зато сам «человеческий материал» (создание коалиций) оказался слабым. Таким образом, успех опять сохраняет лишь инструментальное значение и теряет престижное. И одновременно вся строгость процедур голосования оказывается фикцией.

Политические нравы. Инвентаризация

Обобщая практику последнего десятилетия, можно утверждать, что клише «профессиональный политик» включает а) различного рода *компетенции* и б) свидетельства принадлежности к особому сорту людей, посвятивших себя *общественному служению*.

Вот примерный свод компетенций:

- 1) *прагматические* компетенции (макроэкономические, юридические, менеджские и тому подобные знания и умения; в состав этих компетенций входит одна из важнейших — учет неизбежных здравосмысловых условий и ограничений реального управления, а также — умение не афишировать такую практику, поскольку она, как правило, отклоняется от норм публичной морали);
- 2) *стратегическая компетенция*, загадочно называемая «интересами государства»: принятие решений во имя Истории Страны, которые могут пренебречь нынешними судьбами людей; перспективная успешность таких решений оценивается гораздо позже (потомками или на судах типа Нюрнбергского);
- 3) *компетенции политической борьбы* — завоевание и удержание власти, регулирование отношений с союзниками и конкурентами; эта компетенция носит более общий характер, ее конкретизацией являются следующие две:
- 4) *компетенция создания имиджа и манипулирования массовым сознанием* — умение выглядеть компетентным при отсутствии компетенции, выглядеть воплощением нравственности, умело скрывая отклонения от нее; знание методов манипулирования и применение их на практике; умение оперировать «рутинной социальной демагогией»;

- 5) на пересечении трех предыдущих компетенций выделяется еще одна — *компетенция разоблачительной интерпретации* текстов и поступков политических оппонентов (тут и инверсионное прочтение текстов, и выяснение скрытых мотивов поступков и результатов деятельности, и выявление нравственного двуличия конкретных политических противников). Разумеется, отряды политиков обзаводятся отрядами специалистов этих компетенций — политтехнологов, политологов, психологов, «пиарщиков».

Хотя весь корпус политиков — и уже попавших во власть, и претендующих на нее — «по определению» олицетворяет самоотверженное служение общественным интересам, среди них мало компетентных профессионалов-прагматиков, для которых эта нравственная характеристика является лишь дополнением к компетентности, остальное пространство занимают политики — чистые образцы нравственности, то есть общественного служения, которые, не обладая компетенциями, тем не менее проявляют себя как специалисты по «справедливому распределению благ», так как имеют на это моральное право.

Упомянутые выше имиджи и разоблачения адресуются рядовым гражданам, которые сами по себе — без соответствующей идеологической обработки — не обладают компетенцией, чтобы отличить компетентных и порядочных политиков от притворщиков: на первый взгляд и те и другие выглядят одинаково.

Соблюдение правил явного и скрытого поведения и отличает опытного профессионала-политика от наивного любителя, в частности, не-интеллигента, который постепенно обрывает такими интеллигентскими чертами, как стремление к управлению и политическому престижу. Рассмотрим примеры политической наивности. Вот некоторое время назад преодолевший вступительный ценз политинтеллигенции В. Шустаускас в телепередаче журналиста В. Матулявичюса не сомневался в своей способности быть президентом страны, поскольку, по его мнению, это не более чем соблюдение протокольных правил, исполнение соответствующих поз и «мимики», производящих впечатление величественности (об этом заботятся соответствующие специалисты), суть же самого занятия совершенно несложна. Наивность заключается тут не в понимании работы президента. Можем допустить, что Шустаускас тут делился опытом своей работы мэром, то есть что в управлении вполне возможны места, не нуждающиеся в прагматической компетентности. Табуируется публично вещать об этом. Этот случай иллюстрирует двойственность любительского восприятия политических ролей: возвеличивание, мифологизация идут в паре с демифологизацией, «депрофессионализацией».

Другой пример нарушения профессионального табу — откровения советника президента Р. Паксаса: «Президент вовсе не должен быть самым умным человеком. Он должен собрать вокруг себя команду из

6–7 человек, которым он доверяет, которые никогда не предадут. Но эти самые надежные люди редко бывают самыми умными. Если бы они были самыми умными, зачем им тогда быть надежными?» [3, с. 9].

И, наконец, еще один пример — это участие в президентской избирательной компании знаменитого ведущего юмористической телепрограммы В. Шеренаса. За него тогда проголосовало немалое число избирателей, так как он не прикидывался компетентным и нравственным профессионалом, а воплощал подлинность политической пародии.

По мере стабилизации политической системы соблюдение перечисленных правил становится признаком профессиональной зрелости политика. Партийные, идеологические и даже карьерные различия уходят на второй план — перед лицом актуальной стратегической задачи (таким было, например, единение почти всех политических сил во время референдума о вступлении в Европейский союз), а непрерывная ожесточенная борьба конкурентов, которая является типичным признаком политических будней, согласно неписаному сговору не должна превышать уровня самосохранения политической системы. Одиноким пока примером противоположного характера могут служить крайности, имевшие место в политической кампании движения Р. Паксаса.

Мотивация политической активности интеллигентов

В околополитическом дискурсе среди страстей, затягивающих интеллигентов и их попутчиков в политику, чаще всего обсуждается *стремление к материальным благам*; поэтому мы здесь на нем не будем останавливаться. Стоит только отметить разновидность этого стремления, проявляющуюся в новейшие времена: блага, обращающиеся в политическом пространстве, теперь обретают многомиллионные масштабы, благодаря чему психологические переживания участников трансформируются.

Следующая страсть, которую мы кратко обсудим ниже — это *стремление к власти как самоценности*. Основное же внимание обратим на другой мотив — *стремление к ощущению значительности личности*; этот мотив, разумеется, свойственен не только политической интеллигенции, но проявляется тут с особой силой.

Перечисленные мотивы поведения фактически пересекаются: власть обеспечивает блага, а удовлетворение политика от властвования и обогащения психологически приобретает форму ощущения своей значительности.

Наконец, с точки зрения мотива *общественного служения* политика — это стремление небольшой части населения, а именно передового отряда интеллигенции улучшить жизнь остальных, совершенно им не знакомых людей. Такое самопожертвование на моральном языке можно было бы назвать альтруизмом (или филантропией), если

бы социальный опыт не подсказывал нам, что филантропы-избранники получают за это легальные (а иногда — и не совсем) блага. Кстати, в ходе разных выборных компаний можно было наблюдать, как политики в борьбе за то, чтобы осуществить эту свою высокоморальную страсть, не жалеют друг друга, иногда нарушая при этом нормы морали. За последнее десятилетие этот воинственный альтруизм стал коллективным занятием, почти институционализировался: если еще недавно лишь отдельные личности (например, диссиденты) жертвовали собой ради других, то теперь моральными образцами объявляют себя целые партии и группы.

Мотив общественного служения мы рассмотрим ниже с точки зрения здравого смысла.

А) Манящее очарование власти

Классик социологии однажды высказался вполне определенно: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти “ради нее самой”, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает» [9, с. 646]. Власть как искушение — один из популярнейших предметов обсуждения; мы отметим лишь некоторые социально-психологические основания властности и оттенки интеллигентского отношения к ней, поскольку «вкус» политической власти особо привлекателен именно для этого сословия.

В социально-психологическом смысле стремление принадлежать к властным структурам не имеет, конечно, ничего общего ни с деятельностью профессионалов, нанятых на деньги налогоплательщиков для управления хозяйственными и иными делами общего значения, ни с завоеванием душ и умов рядовых граждан с помощью программных идеологов. Как известно, это, прежде всего, самоценное ощущение, что ты принадлежишь к особой элите, имеющей право *приказывать* таким людям, которые без обсуждений обязаны выполнить приказ, и можешь по отношению к другим людям применить физическую силу или — продемонстрировать возможность ее применения. Ощущение этой силы не проходит бесследно для психики властных имущих и обычно деморализует.

По сравнению с другими публичными интеллигентскими проявлениями, преимущество власти состоит в том, что интеллигент здесь воочию видит силу своего влияния на судьбы людей, что подтверждает его необычность и значимость (М. Вебер о чувстве власти: «...чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, — способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности» [9, с. 689]).

Следующее качество, входящее в манящий ореол власти — это ее *секретность*, реальная или мифическая. Понятно, что человек власти, в котором оседают государственные и иные тайны управления и

распределения благ, скапливает в себе то, что нельзя показывать и объявлять рядовым окружающим. Тем самым он часто становится заложником правящего клана. К числу тайн надо причислить и закулисные интриги или отклонения от норм морали, скрываемые от общественности и становящиеся объектами разоблачений в СМИ. Однако в наши дни, когда само попадание во власть и политику «демократизировалось» и тем самым банализировалось, секретность утратила часть своего очарования.

К числу тех же чар относится и *недоступность* власти для «сторонних» — всяческие охраны, пропуски, допуски и прочие признаки исключительности.

Власть иногда воспринимается как *Ответственность* в чистом виде — перед историей, нацией, наконец, простыми избирателями; но чаще всего эта функция провозглашается абстрактно и демагогически, а политик-практик умеет избегать юридической и моральной ответственности.

Следует заметить, что многие интеллектуалы, переживающие политические страсти, но не попавшие во власть, пребывают, тем не менее, как заколдованные в ее «магнитном поле», она манит их и иногда прикармливает знаками внимания. Не переставая повторять, что во власть лезут неумные и бессовестные, некоторые элитарные интеллигенты вместо того, чтобы предложить себя, избегают попадания в первые ряды, поскольку тогда они теряют преимущества позиции наблюдателя и — в случае политических неудач — могут оказаться объектом конкурентной критики.

Б) Стремление к ощущению значительности

Фундаментальная характеристика описываемой нами части интеллигентов состоит в том, что их всегда влечет в те места социокультурного пространства, которые в данный исторический момент отличаются наивысшим *престижем*, то есть туда, где актер наиболее заметен (прежде всего, в глазах «своих» — интеллигентов). Так проявляется важная страсть обсуждаемого сословия — *стремление к ощущению значительности*, о которой мы упоминали выше.

В советские времена переходящие центры престижа располагались в мире искусства, культуры вообще, где происходила снобная внутриклановая борьба за такие места, где можно стать заметным и признанным. Эти страсти подробно описаны в работе «Вильнюсские снобы» [4], где подчеркивалось, что это не второстепенная характеристика стиля жизни определенной группы людей, а глубинная потребность чувствовать себя значительным, причем удовлетворение этой потребности зависит от *других людей*.

Обсуждаемое здесь стремление относится к известной интеллигентской проблематике, выражаемой такими мифологемами, как «призвание», «самовыражение», «нужность», «признание» и т. п. Заметим, что в

сфере культуры эти категории связаны с содержанием интеллигентской деятельности, так что значительность героя возникает как награда за эту деятельность. Мы же здесь рассматриваем стремление к значительности как самоцель, а содержание политической деятельности выступает лишь как рационализация этой страсти. Эти интеллигенты с юных лет заражены всеобъемлющим призывом к успеху и желанием быть «не как все».

Во времена «Саудиса» и сразу после обретения государственной независимости весь «карнавал» интеллигентских проявлений в культуре и искусстве показался малозначительным; снизился престиж художественных, научных и других традиционных интеллигентских профессиональных занятий — на фоне престижа политики и профессий, обслуживающих ее: политологов, исследователей общественного мнения, журналистов. Вместо традиционного творчества, сопровождающегося рефлексией, проявился новый способ самовыражения — торжественный и одновременно прагматичный: забота о народе, пылкое ораторство на трибунах массовых собраний, борьба с политическими конкурентами — людьми и структурами. И главное: успех и аплодисменты анонимной аудитории следовали немедленно.

Отныне в политическом театре решаются достаточно тонкие проблемы значимости личности интеллигента; формируется его самовосприятие уровня своей биографии — в масштабе страны или даже мира. Уже упоминалось, что в советское время политическая карьера имела невысокий престиж (равнялась чуть ли не колаборационизму). То же в известной мере относилось и к карьерам в культуре и искусстве, престиж которых должен был иметь подтверждение на Западе. Поэтому стремление к значительности (помимо тоталитарного давления на авторов) выталкивало часть интеллигентов за границу. Так, группа интеллектуалов, о которых шла речь в упомянутой выше книжке [4], в предвозрожденческие годы распалась на тех, кто уехал на Запад делать высокопрестижную карьеру в культуре, и тех, кто остался здесь и был обречен коротать будни провинциальной биографии. Ясно, что по критерию значительности первые тогда опережали вторых. И вдруг Возрождение поменяло все значения: страна избавилась от провинциальности, а оставшиеся на родине интеллигенты предались новой высокопрестижной политике (причем обязательно в заметных ролях) и мгновенно превзошли «беглецов» по значительности.

Именно участие в политике теперь воплощает востребованность и признание интеллигента, обеспечивая ему прямую реакцию общества на его публичное появление. Однако достичь уверенности в том, что эта реакция позитивна, не так-то просто. С одной стороны, интеллигентов очень заботит признание своим собственным сословием, но они насквозь знают друг друга, потому что пришли в политику теми

же путями, одинаково объединялись в боевые коалиции, часто переходя из одной в другую — карьерно более перспективную, прошли похожие процедуры самоидентификации (как, например, приклеивание себе европейских партийных этикеток), хорошо угадывают скрытые мотивы поступков коллег, короче говоря, условная цена всей игры, в которой воспроизводится значительность участника, совершенно очевидна и ни в коей мере не загадочна для самих игроков. И вдруг — после политической победы — отрежиссированная их же усилиями ситуация становится как бы независимой от них и обретает торжественность; героев ее переполняет значимость: отныне они занимают важные места в государственных структурах и залах, награждают друг друга званиями, титулами и т. п. (при этом, однако, не переставая сомневаться, заслуженно ли их политические соседи получили эти знаки). Следующий существенный фактор игры: успехи личной карьеры получают особое *подтверждение* со стороны анонимной массы, символизирующей Народ. Именно масса — эта аутентичная «наивная» аудитория (а иногда — и жюри) политического шоу — узаконивает церемониал значительности, удостоверяет вступление интеллигентов в Историю, уполномочивает выступать от имени Государства, Страны, Нации и т. п. Какие бы ни возникали у политиков сомнения в качестве голосующей массы (в сравнении, конечно, с собой), ее фатальная роль очевидна: любыми самыми неожиданными выборами она «припечатывает» введение конкретного отряда избранных в данный этап истории страны [12]. Параллельно происходит и самовоспитание политика — психологическая подготовка к символическому самовосприятию.

Особую роль в трансформациях личности политика играют средства массовой информации, и в первую очередь главная фабрика по производству значительных персон — *телевидение*. Сами депутаты сейма не раз отмечали, как меняется их поведение, когда они замечают, что в зале заседаний включается телетрансляция. Ежевечерне на своих частных телеэкранах жители страны наблюдают лица современной политики, подготовленные к публичному показу, причем — в сюжетах и позах взаимной конфронтации конкурентов (к примеру, они видят, как политики демонстрируют свое психологическое преимущество, очень в ходу насмешливые, хоть и напряженные улыбки, ироническое предвосхищение убожества аргументов оппонентов и т. п.). Любопытная трансформация происходит с известными журналистами и политическими комментаторами; они — неотъемлемая часть общей игры: пройдя сквозь увеличительное стекло телеэкрана, они отслаиваются от своего частного масштаба, обретают имидж особой значительности на фоне избранных — героев своих передач и насмешливо наблюдают за ними.

По мере стабилизации социально-политического быта и банализации самой политической борьбы тяга интеллигентов во власть постепенно преобразуется в коллективный ритуал стремления к значительности — *элитарность*, которая и венчает их жизненный успех. Речь идет о таком уровне социального символизма, когда срастаются верхушки всех карьерных иерархий — власти, бизнеса, популярного и элитарного искусства. Попасть в элиту является самоценностью, нередко она важнее инструментальной полезности тусовок.

Можно вкратце перечислить некоторые формы элитарности: это участие в государственных и других значимых торжествах, презентациях, балах, юбилеях, приемах в иностранных посольствах, концертах и спектаклях с участием звезд, визиты за границу, отдых на престижных курортах. Обязательный признак элитарности — закрытые территории, иерархические обряды. Обо всем этом непременно кружатся слухи; значительная доля кайфа от элитарности пропадет, если сплетни об этих сборищах не будут просачиваться к рядовым жителям.

Добавим, что современное формирование элит допускает определенное соединение представителей эпох — досоветской, советской и постсоветской; самоценность элитарности отодвигает идеологические несовпадения на второй план.

Политика — это чуть ли не единственный в публичной жизни экран личностных свойств, поскольку все остальные открытые проявления интеллигентов (например, актеров, художников или ученых) носят профессиональный характер: тут обслуживание людей, опирающееся на талант, компетенцию, мастерство, присущие этой социальной роли, получает взамен признание или вознаграждение; люди становятся известными, прежде всего, из-за профессиональных способностей и достижений, а их человеческие свойства (в том числе, в нравственном выражении) — лишь дополнение к уровню компетенции. Сами моральные оценки коррелируют со способностями и компетенцией: в соответствии с «мифологией» европейской культуры высокопрестижный талант усиливает человеческие качества (например, гений и злодейство несовместны).

В политике же люди обслуживаются чистым самопожертвованием, или управлением. Политик раскрывает перед публикой все человеческие качества, в первую очередь — моральные. Герой здесь не прикрыт своей исходной традиционной профессией, а выступает в одеждах благодетеля.

Формы политической активности интеллигентов

Разумеется, добровольное участие интеллигенции в официальной политике как форма самовыражения приобрело смысл только в постсоветскую эпоху, потому что в советскую делание политической карьеры было специфической процедурой, не имевшей престижа в

неофициальном общественном мнении. Погоня за местом в партийно-государственной иерархии (в цепочке комсомол - компартия, плюс услуги КГБ) чаще всего была выбором тоталитарной идеологии, системы насилия, закулисных благ и соответствующего образа жизни. Этот выбор свидетельствовал, по существу, только об одной черте человека — карьеризме. Что касается всех остальных, некарьерных жителей, их активность в легальной политике не имела смысла, поскольку режим все решал за них. Для большинства людей такой приamanки, как политика, не существовало, это была чужая игра.

Теперь политическая карьера — это добровольный выбор занятия, имеющего для особой подгруппы интеллигентов достаточно высокий, хотя и неустойчивый, престиж; вместо одной человек-политик теперь демонстрирует множество личностных характеристик. Для этой подгруппы новая постсоветская политика стала даже средоточием аутентичной гражданственности, для многих существовавшей до сих пор только в воображении. С новой властью было нестыдно отождествиться, а ее регалиями можно было даже гордиться. Наконец, участие рядовых граждан в выборах обрело подлинно решающее значение, потому что успех политической карьеры стал в значительной мере зависеть от их суммарных предпочтений, а не от закулисных карьерных усилий.

Вместе с тем в активной политике участвует сравнительно небольшая часть сословия. Попытаемся условно инвентаризировать формы и уровни интеллигентской политактивности.

Первая категория — это *именные* участники, которые уже вошли в *символический пантеон* истории страны — президенты, премьеры, спикеры парламента, а также известные лидеры крупных политических партий, которые не сходят с экранов ТВ и со страниц других средств массовой информации; к этой же категории можно причислить и именных хронических кандидатов на высокие посты, которые по причине своего кандидата все время находятся в центре всеобщего внимания.

Вторая категория — *менее заметные именные* участники политики, принадлежащие к руководству больших и малых партий, но при этом будто и не претендующие на первую категорию. Еще к этой подгруппе можно отнести теневого политических борцов или членов партийных штабов, имена которых или уже известны, или упорно угадываются передним краем журналистов и активистами низшего ранга, а через них — и всеми остальными: в политологических спекуляциях эти персонажи играют решающие роли в конкурентной битве, но упорно избегают публичности, даже в случае победы.

Третья категория — *именные информаторы и комментаторы*, то есть ведущие журналисты, политологи, социологи и т. п., часто мелькающие на телеэкранах, иногда они стремятся попасть и попадают в первые две категории (например, журналисты - члены сейма, советники и пресс-атташе лидеров).

Четвертая категория — фактически *безымянные* (или — чьи редко появляющиеся имена не могут запомнить зрители) *участники политической «массовки»*, входящие в партийные списки в сейме, и другие коллективные отряды; счет им идет на сотни.

Политактивистам последних двух категорий свойственна «зачарованность» публичными и закулисными сюжетами персонажей первой; предмет их гордости — быть в курсе подробностей политического «высшего света», поэтому их официальные комментарии в СМИ, как правило, отличаются от неофициальных, которые потом проникают в скандальные публикации; вообще судьба страны описывается как отношения и перемещения первых фигур на политической шахматной доске.

Наконец, пятая категория — конечно, самая многочисленная из всех — это интеллигенты, *безымянно* ангажировавшиеся в темпераментные *обсуждения* политических актуалей в коридорах частной и публичной жизни — на кухнях, в кафе, служебных курилках.

Разговоры о политике, или «кухонный политический дискурс» — это популярное занятие граждан в нынешние времена; его можно рассматривать как один из способов участия в политической жизни. Содержание его составляет критика персоналий первых четырех категорий с точки зрения их соответствия общим принципам нравственности — в сюжетах межличностных и межгрупповых конфликтов. Реже обсуждаются программы, компетенции и результаты действий первых лиц. Такая анонимная политическая активность существенно отличается от участия интеллигента в его служебной и частной жизни: во-первых, участники в ходе обсуждения наделяют друг друга чувством значительности личности, и для того, чтобы его заслужить, не требуется ни профессиональной эрудиции, ни достижений в этой области, достаточен общий уровень информированности относительно актуалей через прессу и слухи, во-вторых, обсуждения окрашиваются гражданскими эмоциями — от гнева до иронии по адресу власти.

Правила этой прикладной политологии противоречивы: с одной стороны, каждая нынешняя власть осуждается за некомпетентность (вкуче с непорядочностью), с другой — очевидно как бы, что любой из участников анонимного политикования был бы куда более уместен во власти, нежели нынешние. Отсюда следует вывод: с позиций поп-политологии, рациональных критериев профессионализма нет, иными словами, политика как профессия не существует. При этом, разумеется, самоуверенность адептов популярной политологии все же не достигает уровня персонажей первых категорий; однако сам факт, что люди примеряют на себя одежды власти (они в принципе знают, как надо), говорит об их своеобразной готовности к «трансформации».

Ясно, что перечисленные формы политической активности не исчерпывают всего состава интеллигенции. За их пределами остается

множество пассивных членов сословия, которые равнодушны к политическим страстям или разочаровались в них, и их «гражданственность» исчерпывается участием во всеобщих выборах, а может, и того нет.

Создание голосующей массы

Следующий предмет рассмотрения — отношения политиков с объектом, жизнь которого должна улучшиться в результате их усилий, то есть с рядовыми жителями, предназначение которых — избрать своих представителей и таким путем повлиять на свою судьбу. Вообще точка зрения на «народную массу» — важная характеристика интеллигентского менталитета, а выборы — специфическая и редкая форма диалога интеллигентов с остальным населением: тут демократия заставляет их познавать массу, от выбора которой зависит их карьерная судьба. От символического суждения «народ не ошибается», что означает чаще всего «он думает так, как я», практика общения приводит их к сомнениям и переосмыслениям — в тех, конечно, случаях, когда часть населения попадает в ловушку конкурентов и отказывается от услуг «подлинных» защитников его интересов (при этом обычно следует сакраментальный вопрос противников: «Если вы такие хорошие, почему за вас так мало проголосовало?»). Однако неписанные правила политического сговора претендентов табуируют публичное выражение сомнений насчет качества реального населения, не говоря уже о том, что Народ и Нация вообще не могут ошибаться.

Теоретические обоснования отношения политиков к голосующей массе бывают «циничными» («жители — это стадо, которое можно завлечь только обманными манипуляциями») или эвфемистическими, именуемыми «макиавеллизмом» («рядовые жители никогда не дорастают до понимания и выражения своих подлинных потребностей; поэтому перспективная, жизненно важная для массы политическая правда, и в том числе — средства ее осуществления, не могут быть сообщены рядовому гражданину открытым текстом»).

В политических программах интеллигентов, разумеется, присутствует некое представление об обобщенном избирателе и их массе. Адресуя им лозунги и аргументы, политики стремятся придать последним суггестивную форму, чтобы избиратели пошли на выборы и проголосовали именно за них. Каждый такой *тактический* ход представляет собой прогноз восприятия и поведения избирателя, опирающийся на его *модель*, так что различия партийных программ и планируемых средств воздействия отражают различия моделей электората, то есть образа обобщенных, суммарных убеждений, потребностей и моральных качеств граждан. Остается добиться, чтобы житель идентифицировался с множеством «мы», которое для них смоделировал политтехнолог, и стал добровольным членом голосующей массы, то есть пришел на избирательный участок и отдал свой голос за соответствующего кандидата или

партию, при этом ощущая себя совершающим сознательный политический выбор. Как показывает многолетняя практика, массовое поведение в выборной ситуации преподносит массу неожиданностей. Это означает, что различные партийные модели анонимного избирателя, его групп и массы и проекты средств воздействия на него не соответствуют действительности.

Моделирование избирательной массы можно назвать *политической семантизацией*, то есть приданием гражданского, политического смысла тому, что, по сути, такого смысла не имеет. Для интеллигента-политика совершенно естественно, что любой рядовой житель, заинтересованный в улучшении своей судьбы, готов передоверить это дело добропорядочному профессионалу, в то время как, с точки зрения этого жителя, ничего хорошего от постороннего «элитарного» гражданина ждать не приходится, так как он будет обслуживать только себя и таких, как он. «Артефактная» политическая семантика не совпадает с аутентичной семантикой массового сознания, которая соответствует внутренним потребностям приватной стихии жизни и сама собой не склоняется в сторону какой-либо партийной идеологии. На основе такой семантизации невозможно создать программу, обеспечивающую превращение потенциальных избирателей в голосующую массу.

Традиционные способы семантизации, или превращения жителя в гражданина, включают и экстраполяцию на массу черт своих и своей социальной группы, и попытки приучить анонимов отождествляться с внушаемыми высокими гипостазами типа «нация», «народ», «история» в их конкретно-групповом партийном воплощении. Но это именно с интеллигентами в политике происходит символическое превращение: «избранник» как бы легально получает право выступать от имени Народа, Добра, Истории, в то время как нормальный анонимный гражданин не рискнет считать себя гласом народа и т. п.

В отличие от традиционной, занимающейся по преимуществу семантизацией, профессиональная политтехнология оперирует разрозненными единицами стереотипного социального восприятия — лицами, жестами, голосами и т. п., которые организует в эмоциональный стереотипный образ, например, харизматический; остается прикрепить к нему номер партийного списка и набор слов, выражающий слоган движения. Однако в связи с яростной конкурентной борьбой фирм успех и тут не гарантирован.

Конечно, в основе традиционной политтехнологии тоже лежат сигналы (так, например, список из 17 или 2 имен и внешностей, предъявляемых населению в качестве претендентов на президента, как это было на выборах 2002 года, воздействует как набор образов, вызывающих клише ассоциаций). Такой «монтаж случайных единиц социального поля» — полная противоположность семантике агорала.

В итоге фигура избранника как бы наполнена голосовавшими за него анонимными человеческими ожиданиями, иначе говоря, это символ харизматических свойств, на которые в данный момент есть натуральный или организованный спрос. Это можно также рассматривать как оформление очеловеченного идеологического клише, масштабы которого зависят от количества проголосовавших. Но проходит время — и чары постепенно исчезают, и из-под клишированного образа начинают проступать черты обычного человека или хуже того — обработанного разоблачениями.

Так или иначе, электоральное поведение массы, с одной стороны, и попытки его угадать и использовать — с другой, это не что иное, как превращенная форма сословных взаимоотношений, которые часто приобретают форму социальной дистанции (характерны, например, этикетки недавних политических сражений — «элита» и «рунке-ляй» = бураки, хотя рядовые граждане — без суггестии идеологов — вряд ли сами станут отождествляться с негативными обозначениями).

И тем не менее описываемые социально-политические игры представляют собой своеобразное отражение демократизации; в отличие, например, от частной конторы, где хозяин не обязан учитывать мнения подчиненных, в политике все участники вынуждены разнообразными путями завоевывать пассивных наблюдателей борьбы, не потому вовсе, что столь важно их доверие, а потому, что от них зависит победа на выборах, то есть судьба карьеры.

Политический рынок морали

Функционирование морали в обществе — крайне сложный универсум. Нас интересует здесь лишь небольшой его фрагмент, находящийся на пересечении публичной и частной жизни людей. Дело в том, что существенной частью нашего политического быта являются своеобразные операции с общественной моралью. Все перипетии политической борьбы, включая конфликты в практике властвования, как правило, выносятся на суд публики в *моральных* одеждах; тут как бы предполагается, что рядовые граждане вряд ли смогут разобраться в прагматических компетенциях управителей и претендентов, зато без труда поймут популярный язык морали и эмоциональноотреагируют на нравственные оценки политиков.

Настоящая моральность, как известно, дело сугубо индивидуальное и даже интимное (стыд, совесть); она не может быть коллективной, групповой или массовой (большие обобщения типа «моральное состояние общества» или «падение нравов в обществе» относятся чаще всего к аргументам политической и иной общественной борьбы). Моральные проповеди с религиозных трибун носят обобщенный характер, именные же человеческие проблемы — достояние интимной исповеди. В полити-

ке же допускается открытое *поименное* моральное бичевание, превращающее мораль в специфический товар на политическом рынке.

Выше уже говорилось о том, что на фасаде политики всегда висит вывеска общественного служения, задающая высокий моральный уровень занятия и соответствующую мотивацию поведения политиков. Поэтому в ожесточенной борьбе конкурирующих политиков и партийных групп аргументация, как правило, моральна (редко встречаются упреки в некомпетентности, но тоже в моральной форме). Из всего репертуара взаимных моральных обличений мы займемся двумя более частыми: 1) предпочтением частных своекорыстных интересов — интересам общественным (вкуче с этим обвинением часто выступает двусмысленное — «недобросовестность»); 2) применением «двойных стандартов» оценок и поведения.

Различение общественного и частного имеет тут прямое отношение к фундаментальной социально-психологической оппозиции своего/чужого. Поэтому оба обвинения сводимы к одной основе: частное — это свое, а чужое — в данном контексте — синонимично всеобщему. Так, двойные стандарты — это когда политик X относится к «своим» сторонникам (в политическом или материальном смысле) благосклоннее, чем к «чужим». С определением частных интересов, при всем их многообразии, особых проблем не возникает, потому что суть их достаточно полно выражает слово «выгода» или «корысть». Сложнее обстоит дело с определением интересов общественных: чьи конкретно это интересы, совпадают ли они у разных социальных групп, идет ли речь об интересах экономических, культурно-духовных — или обобщенно-государственных? Обычно в этом деле неосознанно или вполне намеренно оставляется много неясностей и противоречий.

Чтобы разобраться в этих обстоятельствах, попытаемся решить определенную «этическую теорему». Первый шаг — на основе контент-анализа разоблачительных высказываний политиков реконструируем их моральные пресуппозиции (краткости ради мы опускаем эмпирические процедуры, описывая лишь результаты анализа), то есть, представив как *модель морального политического идеала* с точки зрения политически активного интеллигентского сословия. Речь идет о том, какими видит эта модель моральные функции основных действующих лиц политики:

а) *политические активисты*, составляющие меньшинство населения и посвятившие себя служению интересам общественным (общему благу) представляют собой образцы морали (по другой версии — должны быть образцами), поскольку сделали добровольный сознательный выбор самопожертвования — ради блага *других* — в отличие от заурядной заинтересованности обычных людей в улучшении *своей* судьбы. Поэтому для них *предосудительным* является

предпочтение частных интересов (тут допустим вариант «раздвоения»: политик оставляет частные интересы в своей частной жизни, а в публичной — отдается общественным);

б) к этому отряду примыкают *оцениватели* морального состояния первых — философы, публицисты, политологи, журналисты, которые — «по определению» — морально безупречны, бескорыстны, избавлены от властных и прочих политических благ;

в) наконец, особое место в этой модели отведено рядовым *анонимным гражданам*, которые — по положению — избавлены от искушения благами, достигающимися попавшим во власть, и потому предназначены на роль нуждающихся в управлении и благодеяниях; поэтому они априори признаются абстрактно-моральными; это подавляющее большинство населения характеризуется именно наличием *частных интересов*, мало того, *их сумма и составляет общественный интерес*, то есть объект защиты и представления их в управляющих инстанциях (отвлечемся от религиозно-морального осуждения эгоистичности вообще).

В идеале частным интересом *образцового* политика признается именно бескорыстное самоотверженное служение обществу, то есть частным интересам простого населения; он чуть ли не отказывается от забот о своей собственной судьбе: ему хорошо, когда хорошо всем. В этом этическом уравнении мы видим, что в идеале преодолевается различие *свои/чужие*.

Такова предполагаемая структура населения согласно модели морально-политического идеала.

Второй шаг этического анализа — сопоставление перечисленных положений идеала с реальным поведением политиков, также опирающееся на обобщение их высказываний и поступков за последние 15 лет.

В каждый данный исторический момент политиктив распадается на группы (партии), выступающие друг по отношению к другу оппонентами, пристально следящими за соблюдением ими норм морального идеала:

а) в соответствии с ним *властные институции и их политические представители* провозглашают себя бескорыстными и добросовестными исполнителями общественных функций, вытекающих из идеологием партийной вывески;

б) оппоненты первых — *оппозиция* — подвергают сомнению их бескорыстие и добросовестность, причем в круг подозреваемых включаются не только политики, но и их закулисные помощники (помогают нечистыми методами и деньгами), а также поддерживающие журналисты (подкуплены);

в) в свою очередь первые, то есть политики, находящиеся в данный момент у власти, разоблачают оппозиционеров, которые — как конкуренты — занимаются очернительством, поскольку претендуют

на официальную позицию с тем, чтобы заняться своекорыстными делами, именно с их стороны выступают нечистые помощники, а журналисты, объявляющие себя независимыми и критикующие официоз, подкуплены конкурентами. (Нередко на одном канале ТВ определенная команда политиков прославляется как воплощение защиты общественных интересов, и в то же самое время на другом канале та же команда демонстрируется как образец своекорыстия и бессовестности — в противовес, конечно, команде оппонентов);

г) *оцениватели*, не входящие в политактив, все-таки в меньшей мере подвергаются разоблачениям, хотя сами (в зависимости от их политических пристрастий) участвуют в моральном развенчании тех или иных групп политиков;

д) остается оценить роль *населения*, на чье восприятие рассчитаны вышеназванные эффекты: на первый взгляд, вне подозрений оказываются неангажированные «простые граждане» — слушатели, зрители, потенциальные избиратели. Но публика остается вне подозрений только в случае, если не теряет своей *анонимности* — не появляется в студии ТВ, не звонит туда во время прямого эфира, не пишет письма в прессу и т. п. Во всех этих случаях она теряет нравственную «невинность». Вот характерный пример: в одной из передач ЛТВ «Прошу слова» обсуждалось недоверие к методам профессиональных политтехнологов, местных и российских, помогавших на выборах нового президента в конце 2002 г. В ходе передачи высказывалось недоверие политтехнологу А. Буткявичюсу, участвовавшему в дискуссии. В конце передачи ведущий апеллирует к телезрителям, которые своими телефонными звонками в студию должны были выразить доверие или недоверие Буткявичюсу. Большинство не поддержало его, но перед тем, как — по правилам этого голосования — он был изгнан из зала, он успевает заметить: знаем мы, как организуются такие звонки. Тем самым круг замыкается — «глас народа», вышедший на публичную сцену, фальсифицируется, лишается доверия.

Во всяком случае рядовое население получает нравственную характеристику со стороны корпуса политиков как целого: а) или абстрактно-обобщенную, когда народ признается тотально-моральным, хотя любой политик, как нормальный взрослый человек, знает, что среди населения встречаются и преступники, и наркоманы и пр. (при этом понятно, что народ не тождественен населению); б) или вполне конкретную — в зависимости от избирательного поведения: та часть голосующей массы, которая поддерживает морально недостойную команду политиков, оказывается морально незрелой, обманутой, заблуждающейся, легко поддающейся манипуляциям; понятно, что голосовавшие *за* оппонентов удостаиваются всяческих похвал.

Итоговое сравнение реальной ситуации на политическом рынке морали с постулатами обсуждаемого морального идеала показывает,

что политических групп и отдельных политиков, которые были бы *морально безупречны для всех* и соответствовали бы требованиям бескорыстного общественного служения, *просто нет*, поскольку взаимные обличения практически *полностью перекрывают весь набор участников* (кстати, эти обличения всегда универсальны, а не, скажем, «согласно морали группы А, Б и т. п.»). Общественная авансцена в этом смысле *пуста*, иными словами, населению просто некого выбирать, если предположить, что оно не доверяет сторонам в равной степени. Отсюда — естественный вопрос, кого и на каком основании люди все-таки выбирают?

Часто сеансы разоблачительства конкурентов исполняются не просто как упомянутая выше компетенция интерпретации текстов и поведения оппонентов, а как страстное шоу «*борьбы со злом*» (сошлемся на пример из агитационных материалов, использовавшихся на выборах в сейм в 2004 г.: «Человек, не осмелившийся противиться злу, сам может оказаться жертвой зла. Поэтому один из смыслов человеческой жизни — одолеть зло: моральное, политическое, социальное»; разумеется, тут имеются в виду вполне конкретные носители зла — конкуренты в борьбе за места в парламенте, но пафос достигает уровня экзорцизма).

Вместе с тем право массы на итоговую моральную оценку избранных не подвергается сомнению. Иными словами, в той мере, в какой имидж претендентов на власть включает популярные (упрощенные) приметы нравственности, результаты очередных выборов оказываются как бы «количественным выражением» морального доверия и морального состояния элиты. Объявление же всего населения не способным на подлинную моральную оценку и податливым на обман табуируется неписаными правилами политического быта.

Специфика публичной политики, рассчитанной на восприятие будущих избирателей, состоит, в частности, в том, что этими правилами запрещается также открытое признание политиком таких мотивов своего поведения, как стремление к власти, благам и престижу как самоцели, поскольку такое заявление явно противоречило бы вывеске бескорыстного общественного служения, под которой выступают все политические отряды. Публичное поименное разоблачение скрытых неморальных мотивов политического поведения оппонентов представляет собой расчет на будущий избирательный выбор: предполагается, что избиратель предпочтет безупречного в моральном отношении политика, посвятившего себя защите его интересов, при условии, что анонимный житель страны действительно идентифицирует себя с объектом политических хлопот его избранника.

Дело, однако, не только и не столько в выводах этого как бы абстрактного морального уравнения, а в том, что описанной моральной идеальности противостоит «*социальное недоверие*» — социально-

психологический контекст современных политических нравов; оно фиксируется исследованиями общественного мнения и средствами массовой информации. Речь идет о предварительной установке, согласно которой «чужой нормальный человек» (да еще иного сословия), скорее всего, будет заботиться о своих вполне корыстных интересах, а не об интересах других людей. Такое стереотипное предубеждение согласуется со стихийным мировоззрением, именуемым *здравым смыслом*, базовые постулаты которого предложены в [10].

Для здравого смысла различие «своего» и «чужого» имеет принципиальное значение. Свокорыстие, прежде всего по отношению к *чужим*, посторонним людям и структурам, является нормой мотивации и поведения взрослого социализированного человека, всеобщим само собой разумеющимся условием выживания; оно «естественно» и не нуждается в моральной оценке; внутри же ближнего круга *своих* чаще всего действует норма бескорыстия, хотя всем известны нравственные конфликты и в самой близкой среде. Таким образом, с точки зрения стереотипов здравого смысла «двойные стандарты» являются нормальным обиходным правилом поведения (человек, ведущий себя с «чужими» как со «своими», на территории здравого смысла воспринимается как социально незрелый). Это закон социализации — в условиях исторически сложившегося отчуждения (с ним, конечно, не согласны известные морально-философские модели мира).

Сомнение в искренности альтруистических мотивов поведения высказывается почти всеми участниками политического дискурса: любимое их занятие на публичных трибунах и в бытовых обсуждениях — разоблачать скрытые своекорыстные мотивы ангажирования политиков. Так, популярна и такая форма разоблачения — «икс явно преследует политические цели», то есть сама политика воспринимается как поведение с неморальными намерениями. Ф. Бенетон исследует это явление как двусмысленность «политического языка», или лицемерность самой политики: «Соккрытие аморальности тоже является правилом» [7, с. 150].

Отметим, что моральное недоверие имеет место и между политическими конкурентами (разоблачения и осуждения), оно, однако, зачастую только демонстрируется аудитории; за ним стоит принадлежность к тому же клану и исполнение тех же правил политики (для «простой публики» провозглашается высокая мораль, а посвященные расшифровывают нечто противоположное), в то время как рядовые граждане обречены довериться оценкам какой-либо из сторон конфликта. Однако аудитория постепенно привыкает к ритуалу взаимных разоблачений и — если судить по результатам выборов — перестает обращать на них внимание. Сказанное относится и к предварительным и внушенным установкам на *доверие* к политику, когда, например,

черты лица харизматического лидера внушают иррациональное доверие к его идеологии [5]; однако и это доверие постепенно вырождается.

Понятно, что правила здравого смысла конфронтируют с постулатами показной морали, в соответствии с которой представитель власти должен служить народу не только бескорыстно, но и с ущербом для себя. Вот пример такой конфронтации: в июне 2003 г. в передаче ЛТВ «Прошу слова» шла речь о том, что чиновники - землеустроители воспользовались своими ведомственными данными для приобретения земельных участков. Один из участников передачи — простой провинциальный чиновник — никак не мог понять, почему он, имея право на приобретение участка, должен сначала обслужить других, посторонних клиентов и только после всех взять то, что останется. Крупные опытные политики, участвовавшие в передаче, никак не могли внушить ему, что он нарушает «присягу альтруизма» — отдавать преимущество общественным, а не частным интересам. Бедняга чиновник искренне считал, что он вел себя в соответствии со здравым смыслом, то есть нормально. Его простота, или социально-политическая наивность заключалась еще и в том, что он не освоил технику показной моральности.

За исключением редких случаев, когда моральные аргументы политической борьбы используются искренно, они представляют собой фасадную моральность, то есть элементарное лицемерие, которому «обучается» и потенциальная масса избирателей (в своих частных нишах они яростно присоединяются к публичным разоблачениям аморалистов, не замечая собственных повседневных нарушений).

Разумеется, здравосмысловая модель мира признает *«исключения»* из нормы своекорыстия, которые способны преодолеть отчуждение: во-первых, это случаи бескорыстия людей незаурядных, находящихся на таком уровне моральной исключительности, к которым масса почти никогда не возносит современных политиков, даже подвергнутых политтехнологической мифологизации, причем в их исключительности не сомневаются рядовые граждане; во-вторых, случаи, когда люди преодолевают границу своего/чужого и оказывают посторонним бескорыстную помощь; в-третьих, это коллективное поведение людей в ситуациях, которые именуются «агоральными» (см. выше). За этими исключениями, с точки зрения здравого смысла, все именные и групповые фигуранты политического поля — такие же люди, «как все», за поступками и мыслями которых подразумеваются нормальные корыстные интересы; на них, кстати, и базируются взаимные моральные обвинения политических конкурентов.

Не вдаваясь тут в обсуждение сложных отношений здравого смысла с моралью, бегло отметим, что в межгрупповых и внутригрупповых отношениях (прежде всего — в традиционных общностях,

допустим, среди социально-своих) наблюдаются пределы корыстолюбия, связанные с престижем меры = умеренности: щедрости, материальной удачливости, но без жадности, взаимовыгодных отношений на основе доверия, без обмана, хотя социальные будни изобилуют примерами противоположного свойства.

Таким образом, в контексте социального недоверия, опирающегося на здравый смысл, появление людей-образцов из нормального населения, отдающих себя бескорыстной заботе о благополучии чужих людей (если они не охватываются перечисленными выше исключениями), нереально. Такой мотив политактивности, как служение обществу, в лучшем случае сводится к мотиву стремления к престижу, представленному выше как стремление к личностной значимости, или психологической корыстности. В этом контексте противопоставление одними политиками своей моральности корыстолюбию других является просто инструментом борьбы за власть. Мораль становится «профессией» и товаром на рынке политической борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Edelman M.* Politinio spektaklio formavimas. Vilnius: Eugrimas, 2002.
2. *Gaidys V., Tureikytė D.* Agoral gatherings in Lithuania: An example of «The Baltic Way» // Protection of environment: Mental changes and social integration perspective. Lublin, 1993.
3. *Laučius V.* Autoritetas ir jo regimybė Lietuvos politiniame gyvenime. Politikos metmenys II. Vilnius: Demokratinės politikos institutas, 2003.
4. *Rapoportas S.* Vilniaus snobai. Vilnius: Unitas, 1994.
5. *Rapoportas S.* Political anthropology at home // Lithuanian society in social transition. Vilnius: Institute of Philosophy, Sociology and Law, 1995.
6. *Rapoportas S.* Masinė pilietiško šventė kasdienybės akistatoje. Sociologija. Mintis ir veiksmai. Klaipėda: VU Sociologijos katedra, KU Sociologijos katedra, 1997.
7. *Бенетон Ф.* Введение в политическую науку. М.: Весь мир, 2002.
8. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
9. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
10. *Рапопорт С.С.* Социокультурная компетенция интеллигента и здравый смысл // Социологический журнал. 2003. № 1.
11. *Рапопорт С.С.* «Агоралы»: здравый смысл и массовый праздник гражданственности // Социологический журнал. 2002. № 3.
12. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2002.